

«ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО...». ТОСКА ПО ГОРНЕМУ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Н. В. Волкова

В статье рассматривается стихотворение Арсения Тарковского «Вот и лето прошло...» как один из ярчайших образцов духовного реализма в русской поэзии. Констатируется, что основные мотивы стихотворения строятся на скрытых библейских аллюзиях, выступающих как проявление органичной христианской религиозности поэтического «я» Тарковского.

Ключевые слова: *Арсений Тарковский, духовный реализм, библейские мотивы, горнее.*

Самый высший пилотаж – это сказать о Господе,
не называя Его имени.

Протоиерей Андрей Ткачев.

Сказать о Господе, не называя его имени.

О поэзии Арсения Тарковского

По историко-биографическим данным, стихотворение Арсения Александровича Тарковского (1907–1989) «Вот и лето прошло...» создано им на пороге своего 60-летия, впервые опубликовано в «Литературной газете» от 5 декабря 1965 года, а в 1969 году в составе книги «Вестник» [17, с. 312–313], в Собрании сочинений датировано 1967-м, юбилейным для поэта годом [13, с. 303] (последующее цитирование по этому источнику). По выборке «православного журнала для сомневающихся» под символическим названием «Фома», это стихотворение «сталкера русской поэзии», «одного из крупнейших поэтов-мыслителей XX века» – в списке миссионерского проекта «50 великих стихотворений», составляющих вершину русской религиозной лирики [1].

Мирское поверхностное прочтение этого поэтического шедевра может вызвать недоумение: что же тут «такого», религиозного, а тем более специфически христианского? Жизнь на закате, подступа-

ют осенние холода преклонных лет, в прошлом все было хорошо, но «этого мало»... И что?

Митрофорный протоиерей, проповедник и миссионер, телеведущий, прекрасный знаток не только церковной, но и мирской литературы Андрей Юрьевич Ткачев в одной из передач телеканала «Царьград» о христианской составляющей поэзии Тарковского сказал полемически заостренно: «Что важно <...> – он <Тарковский> говорит о Боге так, что за говорящего не стыдно. Самое пошлое в литературе о Боге – это прямые имена и прямые наставления. Есть масса религиозных поэтов, которые “долбят” тему Бога с такой настырностью и наглостью, как будто они снимаются в фильме “Шахтеры”. “Бог мой, Бог мой, я – твой, ты – мой...”, “Богородица моя, я – твоя...” – и так далее. Эта пошлятина, конечно, многомиллионно растиражирована». И далее – афористически точно, словами, которые вынесены в эпиграф данной статьи: «Самый высший пилотаж – это сказать о Господе, не называя Его имени» [14].

В 1979 году, в застывшую атеистическую эпоху «Вот и лето прошло...» звучит в кинопритче сына поэта, режиссера Андрея Тарковского «Сталкер» – фильме с неофициальным статусом одного из лучших кинопроизведений «всех времен». Главный герой с прозвищным «говорящим» именем Сталкер – буквально «подкрадывающийся», символически «проводник к запретному, тайному» – ведет в Зону вполне по мирским меркам успешных, тоже притчево-условных Писателя и Профессора. Достигнутого земного благополучия сопровождаемым «мало», нужны новые и бóльшие личные успехи и заслуги перед человечеством. Во время остановки на опасном участке Сталкер вспоминает погибшего проводника, знаменитого сталкера по прозвищу Дикобраз. Жадный и беспринципный, Дикобраз некогда «подложил» Зоне, чтобы миновать опасность, своего брата: «– Сколько людей здесь погибло. И Дикобраз брата тут подложил. Такой был тонкий, талантливый. Вот послушайте: “Вот и лето прошло, словно и не бывало...” <...> Хорошо, правда? Это его стихи» [10]. Примечательно, что в киносценарии этой сцены – с чтением стихов – нет, только упоминание: «Сколько людей здесь погибло! И брат Дикобраза здесь погиб, синеглазый поэт... Такой милый мальчишка, кто бы мог подумать!» [12, с. 85].

Зачем Сталкер водит символическое человечество к прячущейся в глубине Зоны таинственной комнате, где могут исполняться желания, но только – «самые заветные желания, самые искренние, самые выстраданные...» [Там же, с. 91]? Зачем пошли к ней и дошли до нее Профессор и Писатель, если так и не решились в нее войти? Видимо, затем / потому, что их неосознанно вело что-то (интуиция? судьба? Промысл?), чтобы они приблизились к пониманию: не в том цель и смысл пути – по Зоне и по жизни вообще, чтобы сбывались придуманные самими людьми желания. А в чем? Ответ – в глубине стихотворения, что читает Сталкер: «Вот и лето прошло...».

Тарковский был религиозным человеком, причем, по воспоминаниям поэта Михаила Синельникова, «...был церковно религиозен, имел силу для молитвы, произнесенной словно бы со слезами на глазах. С мыслью и о русской судьбе...» [8.]. С. Митина вспоминает: «В религиозности А.А. – ничего показного: нательный крест никогда не виден, изредка, когда он в постели, в верхней части шеи заметен кусочек простого шнура от крестика. <...> Большой знаток Библии. Часто заглядывает в справочник по Библии – “Симфонию”. Иногда вкрапляет в речь непонятные для атеистов библейские изречения...» [4, с. 25]. Своим наставником в вере поэт называл академика Вернадского: «Вернадский развивал у меня теологическое мышление – для этого давал читать много книг, в том числе Павла Флоренского, Сергея Булгакова. Они и оказали на меня решающее влияние» [Там же].

Попытаемся и мы включить элементы «теологического мышления», чтобы войти в христианское измерение этого стихотворения.

В нем нет ни библейских имен, ни прецедентных паремий и фразеологизмов, ни скрытого цитирования, – однако ключевые для религиозного сознания темы неразрывности временного и вечного, человеческого и Божьего – отчетливо-вняты, так же как внятно, что Сталкер у Тарковского-сына – не «поганный гриб», как выразился Писатель, а секулярная версия человека-праведника – как бы от Бога юродивого, на современный лад блажного и блаженного.

Христианская основа стихотворения Тарковского, как и его поэтической философии в целом, просвечивает в семантике таких отдельных слов, которые на первый взгляд выступают как носители су-

губо секулярных, мирских значений и вроде бы лишены религиозного содержания. Однако секулярен лишь верхний семантический слой, под которым – библейские глубины смыслов.

Лето

Единственное словоупотребление существительного *лето* – в первой строке («Вот и лето прошло, / Словно и не бывало»), но это слово инициальное, в нем задается общая мотивная рамка времени человеческой жизни на ее исходе, на излете уже сбывшегося «только этого» – в движении к неизвестному: если «этого мало», – *куда дальше-то?*

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Содержание общей временной мотивной рамки «что было / что будет?» существенно шире прямого общеупотребительного значения сущ. *лето* («самое теплое время года между весной и осенью»), уходит корнями в церковнославянскую семантику, ср.: «**Лето**... вообще время; год...» [3, с. 291]. Отсюда прочтение: *лето* (= *время*) *прошло* > что *после* времени?

Течение времени в логике «что было / что будет?» – устойчивый библейский мотивный комплекс, в рамках которого человежье и Божье – в противоречивой взаимосвязи.

С одной стороны, время Божьего Промысла о человеке несет ему изобилие даров, от человека – благодарение, ср. (в последующих цитатах полужирный курсив мой. – Н. В.): «Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе... <...> Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток Божий полон воды; Ты приготавлиаешь хлеб, ибо так устроил ее; напояешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее; венчаешь *лето* благодати Твоей, и стези Твои источают тук...» (Пс 64: 2–12).

С другой стороны, антропное время истощает человека, в особенности если он небрежет даром, если дела его неразумны, пробуждают гнев Божий: «Истоцилась в печали жизнь моя и *лета* мои в στεданиях; изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли» (Пс 30: 11), «Ты возвращаешь человека в тление... <...> Ибо пред очами

Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты *как* наводнением уносишь их; они – *как* сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает... <...> Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы тераем *лето* наши, как звук» (Пс 89: 4–9).

Мало

Извечное, библейское противоречие – благодарение за дар и неискупленное небрежение дарованным – семантическое ядро стихотворения. Повторяющаяся финальная строка «Только этого мало» в контексте целого воспринимается как сожаление о неразрешенности противоречия, а значит, и о незавершенности земного призвания, когда, по слову пророков, земные блага остаются («И оставят все хищным птицам на горах и зверям полевым; и птицы будут проводить там *лето*, а все звери полевые будут зимовать там» (Ис 18: 6)), а человек, не завершив своего дела, уйдет («Прошла жатва, кончилось *лето*, а мы не спасены» (Иер 8: 20)). «Этого мало», но *лето* – время человеческой жизни – «прошло», кончилось.

«Этого мало» – беспокойный рефрен, звучащий уверенным ожиданием воздаяния – в вечной Жизни, по устойчивому в лирике Тарковского мотиву бессмертия, особенно наглядному в цикле «Жизнь, жизнь» (1965):

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком [13, с. 242].

Эти строки появились в том же 1965-м году, что и «Вот и лето прошло...», в семантическом вопросно-ответном ассонансе с ним: «...этого мало» – лишь здесь, во времени, а в другом измерении бытия, в вечности, соединяющей земное и небесное, – иначе: «Мне моего

бессмертия довольно...» [Там же, с. 243]. По книге Иова: «Если же ты възыщешь Бога и помолишься Вседержителю, и если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей. И если вначале у тебя было **мало**, то впоследствии будет весьма **много**» (Иов 8: 5–7). «Много» – это полнота бытия, достигаемая, если взор еще при земной жизни переводится с бренного на вечное, горнее.

Рука праведника

«Все, что сбыться могло, / Мне, как лист пятипалый, / Прямо в руки легло...». Рука дающая («лист пятипалый») и рука принимающая («мне <...> в руки легло»). Эти образы ассоциируются с так называемой «ладонью праведника», которая традиционна для русской иконографии. Праведные люди изображаются с характерным жестом: открытой ладонью, обращенной к молящимся. Праведный человек – человек правды – открыт для людей, в нем нет никакого лукавства, никакой тайной злой мысли или чувства. Такими были, например, святые князья Борис и Глеб. С раскрытой ладонью изображен и праведный Феодор Ушаков, который отличался исключительной честностью и открытостью души.

Мотив открытой руки и в цикле «Жизнь, жизнь»: «...И если я приподымаю руку, / Все пять лучей останутся у вас...» [Там же]. Лирический герой здесь – как благословляющий, как праведник, – не в специфически церковном значении («**Праведник**... Святой, прославившийся своими **подвигами** и святостью жизни в **миру**...»), но в общехристианском смысле «человек, верный Богу...» [9, с. 298]. Этот образ может показаться самонадеянным, но ср. слова псалмопевца: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем...» (Пс 14: 1–2). По Евангелию, характерная примета праведного человека в том, что он предстоит пред Богом в простоте и открытости души, не думая, как выглядит в глазах людей, поскольку понимает, что его праведность – не его заслуга, а Божия, ср. богословский комментарий к чтению соответствующих стихов Евангелия: «Святой свят не своею, оторванной от Бога “святостью”, но исполнен святостью Духа Святого, она, если он стяжает ее, и освящает его, и делает его святым. Точно так же обстоит дело и с

праведностью. Праведным человек может являться, только поскольку Господь уделил ему, человеку, иметь возможность исполнить Закон Божий. Причем праведность человеческая, в отличие от праведности и святости Бога, имеет и еще одно существенное отличие: праведник является таковым только по сравнению с людьми своего поколения» [Стеняев].

Крыло / крылья

«Жизнь брала под крыло, / Берегла и спасала, / Мне и вправду везло». Трудно воспринимать эти строки иначе как прямую отсылку к знаменитому 90-му псалму «Живый в помощи Вышняго...».

Святоотеческое разъяснение о псалме: «Пророк показывает неизреченную пользу от упования на Бога и неизмеримое обилие благ, тающихся в нем. Тайноводствуемые Христом побеждают невидимых врагов...» [15, с. 437]. Стихи псалма, непосредственно соотносящиеся со строками Тарковского: «Он <Господь> избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его» (Пс 90: 3–4). Еще лучше на церковнославянском: «...плещма Своима осенит тя, и под криле его надеешься: оружием обыдет тя истина Его».

Дерево

«Листьев не обожгло, / Веток не обломало... / День промыт, как стекло...».

Растительные образы в поэзии Тарковского – сквозные, встречаются на протяжении всего творческого пути. Н. Резниченко: «Поэт либо прямо отождествляет себя в объектами из мира флоры <...> либо по собственному желанию превращается в них <...> либо проходит выучку в “школе растений”, постигая язык травы и вековую мудрость деревьев...» [7, с. 100]. Так и в стихотворении «Вот и лето прошло...» лирический герой Тарковского отождествляет себя с деревом.

Ближайшая евангельская ассоциация – **древо жизни**. Из Откровения: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на **древо жизни** и войти в город воротами» (Откр 22: 14).

Дальнейшая ассоциация – **мировое древо**, как символ общечеловеческий, мировая культурная универсалия, с которой связано представление о единстве мира. В.Н. Топоров: «**Древо мировое**... (“кос-

мическое” дерево), характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ Д. м. засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах <...> – “дерево жизни”, “дерево плодородия”, “дерево центра”, “дерево восхождения”, “небесное дерево”, “шаманское дерево”, “мистическое дерево”, “дерево познания” и т. п.; более редкие варианты: “дерево смерти”, “дерево зла”, “дерево нисхождения”. С помощью этого образа «воедино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира» [16, с. 398].

Мировое дерево – это ось и символ мироздания, модель самого мироустройства. Образ человека как древа / дерева у Тарковского несет «мысль о единстве микрокосмоса и макрокосмоса, человека и Вселенной...» [2, с. 122]. Лирический герой, отождествляемый до полного слияния с деревом, оказывается центром мироздания. Явный антропоцентризм и скрытый теоцентризм лирики Тарковского оказываются в синергичной взаимосвязи, как и в Православии в целом.

Подведём итоги.

«Вот и лето прошло...» – блестящий образец поэзии **духовного реализма**, отражающего, по определению В.А. Редькина, «жизнь духа»: «Духовный реализм предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей. <...> Православное мировосприятие может проявляться в произведениях на самые разнообразные темы: войны и мира, революции и реформ, личной судьбы и судьбы народа, семейной и общественной жизни, человека и природы, человека и космоса. При этом художественный мир произведения выстраивается на основе православной системе и иерархии ценностей и оценок» [6, с. 73]. И далее: «Следует отметить мощную традицию православного мировосприятия, свойственную русской литературе, и её интертекстуальность в отношении Священного Писания. Только обращаясь к этим проблемам, можно всесторонне проанализировать основные тенденции литературного процесса и проникнуть в глубину художественного текста. У ряда писателей главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию. Этим и привлекает к себе внимание творчество И. Шмелёва и Б. Зайцева,

В. Шишкова и Н. Гумилева, А. Ахматовой, Н. Тряпкина, В. Крупина и Ю. Кузнецова. В глубине их строки явно ощущим мерцающий и не постижимый смысл бытия» [Там же, с. 76]. В этом ряду одно из достойнейших мест принадлежит и Арсению Александровичу Тарковскому.

Тоска по горнему, по истинной цели земного существования, которая превыше земного, – в такой суммарной формулировке представляется возможным выразить ключевой пафос стихотворения.

В чем заключается истинная цель жизни христианина? Та цель, по достижении которой можно будет сказать: *Господи, этого не мало, этого достаточно...* Серафим Саровский: «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго» [5, с. 170]. Земные дары преходящи. По слову Экклезиаста, «...и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; – доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл 12: 5–7). И удовлетворится *тоска по горнему...*

Список литературы

1. 50 великих стихотворений [Электронный ресурс] // Журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/tag/50-velikih-stihotvoreniy> (дата обращения: 24.08.2019).
2. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста: Курс лекций. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. 147 с.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
4. Митина С. Из бесед с Арсением Тарковским // Искусство кино. 1992. № 10. С. 18–32.
5. Преподобный Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого. М.: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2014. 480 с.

6. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
7. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин; Киев: Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
8. Синельников М. Три стихотворения (о Тарковском). Восточные переводы [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Дружба народов. 1997. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1997/6/venok-arseniyu-tarkovskomu.html> (дата обращения: 12.10.2019).
9. Складарская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
10. Сталкер (1979) [Электронный ресурс] / Сценарий: А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий, А. А. Тарковский; режиссер А. А. Тарковский. М.: Мосфильм. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43970/> (дата обращения: 05.09.2019).
11. Стеняев О., прот. «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Читаем Евангелие от Матфея. 6: 1–8 [Электронный ресурс] // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/96073.html> (дата обращения: 24.08.2019).
12. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Сталкер (Пикник на обочине) // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пять ложек Эликсира: Избранные сценарии. М.: Наука, 1990. С. 57–93.
13. Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1991. 462 с.
14. Ткачев А., прот. Сказать о Господе, не называя его имени. О поэзии Арсения Тарковского [Электронный ресурс] // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/98996.html> (дата обращения: 13.10.2019).
15. Толковая Псалтирь. В святоотеческом изъяснении с подстрочным комментарием. М.: Эксмо, 2017. 752 с.
16. Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 398–406.
17. Филимонов В. П. Арсений Тарковский: Человек уходящего лета. М.: Молодая гвардия, 2015. 420 с.